Павел Бажов

Рабочие и служащие

Уральские были

Павел Бажов

Рабочие и служащие

«ФТМ»

Бажов П. П.

Рабочие и служащие / П. П. Бажов — «ФТМ», — (Уральские были)

ISBN 978-5-457-11045-8

«Между пятью и шестью часами утра и вечера на улицах завода движение. В это время происходила смена. Везде можно было видеть основного заводского работника – «мастерка», как его звали. В рубахе и в штанах из синего в полоску домотканого холста, в войлочной шляпенке без полей, в пимах с подвязанными к ним деревянными колодками, в засаленном коротком фартуке, быстро шел «мастерко» по заводским улицам. Обменивались друг с другом короткими приветствиями, шуткой, летучим матеркам – иной раз угрожающим, иной раз безобидным…»

ISBN 978-5-457-11045-8

© Бажов П. П.
© ФТМ

Содержание

«Мастерко» 5
Приказные 8
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Павел Бажов
Рабочие и служащие

«Мастерко»

Между пятью и шестью часами утра и вечера на улицах завода движение. В это время происходила смена. Везде можно было видеть основного заводского работника – «мастерка», как его звали.

В рубахе и в штанах из синего в полоску домотканого холста, в войлочной шляпенке без полей, в пимах с подвязанными к ним деревянными колодками, в засаленном коротком фартуке, быстро шел «мастерко» по заводским улицам. Обменивались друг с другом короткими приветствиями, шуткой, летучим матеркам – иной раз угрожающим, иной раз безобидным.

Зимой к летнему одеянию прибавлялся какой-нибудь полушубчишко или пальтишко из таких, которые не жаль было потерять из общей кучи, куда сваливалась верхняя одежда на фабрике. Колодки, похожие на деревянные коньки, прикреплялись к пимам обычно наглухо и уже с них не снимались. Некогда было после двенадцати часов работы у огня возиться со сниманием колодок. Так и шли по улицам, как по фабричному полу, поднимая пыль летом, скользя по утоптанным дорожкам зимой и трамбуя грязь весной и осенью.

Это, впрочем, было обычным только для тех, кто работал в Сысертском заводе. Не у всех было такое удобство. Некоторым, в виде дополнения к рабочему дню, приходилось еще ежедневно «бегать» по нескольку верст.

Из Сысерти рабочие ходили на Ильинский листопрокатный завод и на Верхний – железоделательный. Ильинский был недалеко от Сысерти – верстах в двух от центра завода, до Верхнего же по тракту было восемь верст. Прямой дорогой через пруд было ближе – верст пять. Рабочие обыкновенно пользовались этой дорогой; летом их подвозили версты две по заводскому пруду на пароходе и грузовой барже. Пять верст ежедневной пробежки с неизбежными задержками летом при посадке на пароход прибавляли к рабочему дню лишних три-четыре часа, и положение верхнезаводских рабочих было самым невыгодным.

Этим заводское начальство пользовалось в своих целях. Перевод на Верхний был чем-то вроде «первого предупреждения» для тех, кого заводское начальство считало нужным «образумить». Так и говорилось: «На Верхний побегать захотел?» «Хотенья», конечно, не было, и многие «смирялись».

Попавшие на Верхний завод принимали все меры, чтобы выбраться в Сысерть. Иной раз это толкало некоторых слабодушных в разряд «наушников» и подхалимов, которых остальным приходилось «учить». «Учь» производилась под покровом «заводских» драк, когда не только «мяли бока и считали ребра», но и били стекла и «высаживали рамы» в домах «исправляемых». Попутно иногда доставалось и жене, особенно в тех случаях, когда было известно, что «у него баба зудит». Такой «зудящей бабе» и влетало, хотя это было редкостью: считалось неудобно «счунуться с чужой бабой».

Нужно отметить, что и сами верхнезаводские участвовали в этих драках вместе с остальными рабочими, так как «наушничество» им, пожалуй, было даже страшнее: грозило увольнением с заводов.

«Людей строгого нейтралитета», забитых и смирных, в этих свалках частенько тоже встряхивали. Тем более, что «учь» производилась всегда в пьяном виде, а пьяному где разбирать разные тонкости: подхалим али божья коровка. Один другого лучше!

Положение ильинских рабочих было много лучше. У них была своя специальность – кровельный лист. Требовала она особых навыков, поэтому оценивалась выше. Этим, вероятно, и объясняется, что попавшие на Ильинский завод не стремились уходить оттуда, считая, что некоторое повышение заработка вполне вознаграждает их за ежедневную прогулку. К тому же и расстояние было пустяковое.

Среди шмыгающих колодками рабочих немало было и подростков, порой совсем еще малышей. Это «шаровка».

В «шаровку» принимались дети в возрасте от двенадцати лет. Заводскому начальству не было дела, под силу ли детям этого возраста кочегарные работы. Было бы дешево!

«Шаровка» по своему костюму старалась не отличаться от взрослых. Тот же домотканый синий холст, шляпенка, валенки и колодки. Последние делались даже толще обыкновенных – по ребячьему делу, «шаровка» гордилась своей «огневой» работой и старалась это подчеркнуть.

В глазах заводских малышей «шаровка» казалась чем-то заманчивым, героическим: «Легко ли? Работают „по огневой“, ходят на колодках, дерутся в заводских драках!»

Матери тоже относились к ребятам, работавшим на фабрике, по-особому. Смотрели на них, как на взрослых, в исполняли некоторые ребячьи капризы.

Одним из самых распространенных капризов было требование шаровщиков заменить «аржанину – крупчатошным».

– Отягу нет с нее – с аржанины-то твоей.

Мать пытается разубедить, указывает на «крестьян»:

«Аржаной едят, а поздоровее наших заводских». Малыш – рабочий, однако, стоит на своем:

– Работа у них не та. Не у огня стоят. А ты вот попробуй сама – побросать «паленьговски»-то дрова. Не квартирник ведь! Какой отяг будет с аржанины? Живо прогонят!

Мать, конечно, и сама понимает, что возиться с полусаженными плахами около жерла пудлинговой печи вовсе не под силу подростку и идет на уступки. Ржаной хлеб заменяется самым низким сортом крупчатки.

В «крупчатошном» было своего рода щегольство «шаровки».

Не чужды были этому щегольству и заводские женщины. Многие из них старались показать, что они живут хорошо – «крупчатошный едят». Желание щегольнуть друг перед другом особенно было видно в обеденную пору, когда со всех концов завода женщины с узелками шли на фабрику – несли обед мужу, сыну, брату, отцу.

Время обеденного перерыва, между одиннадцатью и двенадцатью, так и звалось «бабьим часом».

Около фабричных зданий везде были видны пестрые группы женщин. Старух мало. Одеты почище, но не по-праздничному. Шутки, смех, «загогулины с крутым поворотом» со стороны рабочих. Взвизгивание, хихиканье и взаимная слежка у женщин.

– Смотри, Елесиха-то третий пирог в половину принесла.

– Она – старуха заботливая. Сама не съест, а ребятам притащит.

– А вон видишь, Степанька чем мужа кормит? На черном куске держит.

– Покушай, значит, милый муженек, мою неудачу да фартук с кружевами мне купи.

Молодая красивая женщина в фартуке с кружевными концами слышит эти пересуды. Краснеет, готова заплакать. Муж что-то говорит ей, видимо успокаивает, но и сам смущен.

В «огневой» не заработать белого куска считалось зазорным. И многие дома голодали, чтобы только «на людях» показать кусок получше. Верхом женской заботливости считался рыбный пирог.

Эта «бабья слава», в которую, кроме показного обеда, входили и занавески на окнах хибарки, и платье по-городски, иной раз дорого стоила рабочему. В лучшем случае она тол-

кала его на поиски дополнительного заработка в часы отдыха, что, конечно, преждевременно делало рабочего инвалидом. В худшем – начиналась погоня за местечком «потеплее», наушничество, подхалимство, чтобы пробраться в ряды заводских служащих.

Питанию детей «бабья слава» тоже вредила. Заработок рабочего был таков, что его еле хватало на прожитье, – и всякая даже самая скромная потребность одеться почище или украсить свою избушку «немудрящей занавеской» была уже не по карману.

Приказные

Всех служащих, начиная с управляющего и кончая самым маленьким канцеляристом, фабричные называли общим именем приказные или «приказея». Эта приказея делилась на несколько групп: судари или начальство, присудари, шоша, кричные жомы. Отдельно стояли расходчики, которых на всех пяти заводах округа неизменно звали собаками.

Сударь – это управляющий, управители отдельных заводов, караванный, плотинный, надзиратели заводов, смотрители приисков – словом, все те, кто имел право увольнения и приема рабочих.

Присударь – это люди конторского труда. Их работу мастеровые плохо знали и определяли по-своему: «Сидит в конторе, присудыркивает. На счетах щелкает да бумажки пишет».

В действительности этих присударей: конторщиков, счетоводов, чертежников, вплоть до главного бухгалтера, заводское начальство выматывало порой не хуже, чем мастеровых. Большинство из них за четвертную в месяц вынуждено было проворотить столько работы, что приходилось корпеть над ней целые ночи напролет, гремя костяшками или поскрипывая пером.

К присударям близко подходила так называемая «шоша» – мелкое заводское начальство: «уставщики», надсмотрщики, надзиратели цехов… «Шошу» заводское начальство также держало в черном теле: плохо оплачивало и часто смещало. Положение этих служащих, между тем, было, пожалуй, трудное: слишком усердствовать – рабочие изуродуют, не усердствовать – начальство сместит и с заводов «прогонит». Сами недавние рабочие, отличавшиеся от остальных только высокой квалификацией и кой-какой грамотностью, они в большинстве своем старались не разойтись с рабочими. Но тогда начальство находило их «неспособными к делу» и заменяло другими до тех пор, пока не находило «подходящего человека». Такой «подходящий человек» оказывался совсем «неподходящим» для рабочих, и они старались его убрать. Обыкновенно в этом случае применялся «служебный подвох»: уничтожение записей, порча материалов… Если этим путем не могли добиться результата, то пытались «выучить». Выучка нередко кончалась инвалидностью для выученика. Но не всегда так бывало. Некоторым прихвостням начальства удавалось крепко стоять на месте и держаться целыми десятками лет, а иногда даже проходить в «настоящее начальство».

В силу двойственного положения «шоши» отношение к ней мастеровых было разное: одних считали за своих лучших товарищей, на других смотрели, как на злейших врагов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.